

МЫСЛЬ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ И НАИМЕНЕЕ ЯСНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ*

*Н.Т. ЕРЧАК, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии
Минский государственный лингвистический университет*

В статье предпринимается попытка найти ответ на вопрос «Что представляет собой мысль?». Высказывается гипотеза, что это временное образование, состоящее из знаков, образов и эмоций в их специфическом соотношении.

Ключевые слова: мысль, мышление, образ, эмоция, знак, слово, язык.

В бытовой психологии, кажется, нет ничего более простого и понятного, чем понятие «мысль». Конечно, обычный человек не сможет дать его определение, но и наука испытывает в этом отношении определенные трудности. Не случайно некоторые психологические словари не содержат данную статью вообще. В тех же, где она имеется, после ее прочтения остается все тот же вопрос – «Так что же такое все-таки мысль?». В одном из словарей сообщается, например, что мысль – основная единица, «клеточка» мышления, что в ее основе лежит отражение таких фундаментальных признаков явлений, как их сходство и смежность во времени и пространстве, что речевое выражение мысли в текстах имеет форму предложения; приводится также точка зрения на феномен И.М. Сеченова, рассматривавшего мысль как сопоставление мыслимых объектов друг с другом в каком-либо отношении и т.д. [1]. Один из кратких словарей-справочников содержит указание на то, что мысль есть результат рассуждения и может выступать в образном и отвлеченном виде [2].

В логическом словаре мысль определяется как результат (продукт) процесса мышления в форме суждения или понятия, отражающий общее в массе единичных вещей, фиксирующий существенное, закономерное в многообразии явлений окружающего мира [3]. В работах Пиаже мышление тоже чаще всего рассматривается как логическая его форма в виде суждения или умозаключения [4]. Точнее, под истинной единицей мысли он имеет в виду не только понятие, суждение или целый класс, но и каждую классификацию в своей целостности, каждую

серию объектов, расположенных в соответствии с их отношением, каждую систему родословных связей, шкалу ценностей или, другими словами, каждую группировку [5].

Кроме упомянутого выше подхода к мысли преимущественно с позиций логики, имеется и другой, согласно которому она рассматривается скорее с точки зрения «материала», из которого состоит. В работе Кауфманн, содержащей довольно обстоятельный анализ зарубежных работ по проблеме, говорится о двух группах теорий – символической и концептуальной [6]. Наиболее популярными из символических теорий являются образная и лингвистическая. Самым ярким представителем образной теории мышления являлся Беркли, считавший ментальные образы первичными символами мышления, а все прочие – вторичными, выводимыми из первых. Среди вторичных символов самыми важными считались слова. Иначе говоря, согласно образной теории, мышление связано с реальной действительностью через образы; чисто вербальное мышление тоже имеет место, но чтобы быть понятным, оно нуждается в переводе на язык образов. Крайние варианты лингвистической теории отражают позицию, что единственно «подлинное» мышление – вербальное. Согласно Джеймсу, любая конкретная цель может быть достигнута как благодаря вербальным процессам, так и благодаря визуальным образам: пока требуется достижение одной и той же цели оба типа репрезентации содержат одну и ту же мысль.

Концептуальная теория имеет своим основанием работы вюрцбургской школы, в которых

* Статья поступила в редакцию 26 мая 2008 года.

мышление рассматривалось как уникальная когнитивная активность, имеющая дело с абстрактными идеями (лишенными всякой наглядности «сущностями») и отношениями. Гештальт-психологи, в отличие от вюрцбургцев, делали акцент именно на образности, но игнорировали роль языка в процессе мышления.

Анализируя современное состояние вопроса, Кауфманн упоминает как представителя символической теории Пэйвио, согласно которому образы могут возникать как ассоциативные реакции на слова, обеспечивая как запоминание, так и понимание речи. Она критически оценивает точку зрения Брунера, считавшего образное мышление конкретным и статичным, вследствие чего по мере развития речи образность должна подавляться. Ньюэлла и Саймон, по ее мнению, придерживаются старой концептуалистской теории существования «идеи», постулирующей наличие двух ее слоев. На «поверхностном уровне» — это язык и разного рода образы. Кроме него существует «более глубокий уровень», состоящий из концептов (абстрактных идей, пропозициональных структур). Символы рассматриваются как сугубо внешние по отношению к мысли образования, являющиеся своего рода «одеянием», которое набрасывается на сложившиеся «абстрактные идеи». По мнению Найссера, язык находится в чисто случайной связи по отношению к мысли и рассматривается преимущественно как средство коммуникации; подлинное мышление происходит на более глубоком уровне и управляется когнитивными структурами — «схемами». Согласно Фодору, мышление представляет собой уникальный вид когнитивной активности, отличный от языка, который служит преимущественно коммуникативным целям. Образность признается в качестве репрезентативной схемы, которая, однако, функционирует под контролем «внутреннего языка мысли».

Таким образом, представители символической теории стремятся указать на реально обнаруживаемый процесс и приходят в результате к слишком полной идентификации процесса мышления с символическим процессом в виде образов и слов, опосредующем связи между стимулом и реакцией на него. Концептуалисты говорят о двух видах процессов: 1) ментальном, в котором мысль вызревает и который может сопровождаться речью и образами, но может протекать и самостоятельно;

2) вторичном, нужном в основном только для передачи мысли. Язык и образы оказываются в итоге в чисто поверхностной и случайной связи с мышлением. Получается так, что есть «язык», благодаря которому мы думаем, и есть язык, на котором мы говорим. Для языка, выполняющего значимую функцию в собственно мыслительном процессе, места не остается.

Резонно спросить, как это и делает Кауфманн, из чего же может состоять мысль до того, как она получила выражение в речи. И добавить ее итоговое суждение о том, что язык является важнейшим символическим инструментом, служащим в качестве орудия мысли [6]. Поскольку он связан с наиболее общепотребительными аспектами знаний, то нуждается в опоре на визуальные образы и исследовательскую активность в случаях, когда степень знакомости задачи снижается, а потребность в генерировании новой информации возрастает.

Отечественные психологи чаще рассматривают мысль в плане ее выражения и формулирования в речи. Хорошо известно высказывание Л.С. Выготского о том, что мышление не только находит выражение в речи, но по большей части в речи и совершается [7]. Он определял мысль как отражение известной реальности, направляемое определенным мотивом, но подчеркивал факт несовпадения мысли с ее речевым выражением по той причине, что мысль не состоит, подобно речи, из отдельных слов, что это нечто целое, значительно большее по объему, чем слово. Весьма наглядно его сравнение мысли с облаком, которое проливается дождем слов. Нетрудно далее представить сложность процесса расчленения мысли-облака и воссоздания ее в словах. И автор иллюстрирует эту сложность следующим высказыванием: «Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузы, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу все это вместе в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова...» [7, с. 356]. Нетрудно заметить, что в данном конкретном примере мысль представляет собой не что иное как образ-представление.

Позиция С.Л. Рубинштейна созвучна позиции Л.С. Выготского. Весьма характерно его высказывание о том, что даже если мышление совершается не в форме речи, а в форме образов,

то эти образы выполняют в мышлении функцию речи. Обычно мысль зарождается в виде тенденций, имеющих сначала лишь несколько намечающихся и не вполне оформившихся опорных точек, а потом оформляется в слове в результате часто очень сложной и трудной работы [8]. Кстати, в другой главе этой же книги автор весьма определенно говорит о том, что можно мыслить не только отвлеченными понятиями, но и образами.

Говоря об образах, нельзя обойти вниманием идею о существовании двух видов речи — ситуативной и контекстной [9]. Основанием для их выделения послужили образы, возникающие в сознании говорящего и слушающего в процессе общения. Это могут быть либо образы-восприятия, либо образы-представления. Если речь является названием того, что воспринимается говорящим и слушающим, то это речь ситуативная. Если же она развивается на определенную тему без подобной внешней стимуляции и является названием представлений, то это контекстная речь. Нетрудно заключить, что при данном подходе мысли говорящего представлены в его сознании преимущественно в виде образов.

Экспериментальные исследования А.Н. Соколова позволили обнаружить наличие речедвигательной импульсации (а, следовательно, и участия речи) не только в процессе вербально-понятийного, но и наглядного мышления (решение матричных задач Равенна); это позволило автору заключить, что мышление в любом случае связано с языком, хотя в отдельные моменты речедвигательная импульсация может быть заторможена [10].

Не принимая во внимание деталей аргументации в пользу той или иной теории, важно отметить следующий несомненный факт: большинство ученых согласны в том, что наши мысли могут состоять из образов и слов. В то же время нередки случаи, когда образы и мысли упоминаются как понятия, находящиеся скорее в отношении внеположности. Впрочем, это и неудивительно, так как понятие «мысль» пока еще остается весьма неопределенным и неплохо сочетается с понятием «образ» как, например, в следующем высказывании: «Реально существующая в едином потоке сознания, образ и мысль могут, окрашиваясь эмоциями, восприниматься чувственно и, следовательно, переживаться» [11]. Интересно в

этом отношении суждение К.И. Платонова о том, что слово может вызывать в сознании человека мысли, образы, эмоции и ассоциации [12].

О возможном непосредственном присутствии эмоции в составе мысли речь, как правило, не идет — исследователи рассматривают их как отдельные явления. Вот весьма характерный для психологической науки абзац из научной статьи, иллюстрирующий этот факт [13]. В нем говорится об исследовании, в котором приняли участие три женщины, каждая из которых в индивидуальной беседе с профессиональным терапевтом обсуждала свои житейские проблемы. Сразу же после сеанса каждая женщина отмечала те мысли и чувства, которые она испытывала в определенные моменты беседы. Затем 80 студентов колледжа смотрели видеозаписи этих сеансов и пытались определить мысли и чувства каждой из женщин в те самые моменты сеанса.

С.Л. Рубинштейн, кстати, допускал, что в акт мысли в той или иной мере может включаться и чувство. Автор, однако, акцентировал внимание преимущественно на его негативном влиянии на мыслительный процесс и вряд ли считал целесообразным включать эмоции и чувства в состав мысли. Тем не менее, подобное умозаключение вполне допустимо, если вдуматься в приводимое ниже рассуждение ученого: «Иногда чувство, включаясь в мысль, нарушает субъективными элементами ее течение. Подчиняясь деспотическому господству слепого чувства, мысль начинает порой регулироваться стремлением к соответствию с субъективным чувством, а не с объективной реальностью. Мысль, которая в основном следует «принципу удовольствия» вопреки «принципу реальности», относится уже к области патологии. Но и в пределах нормального мышления нередко случается, что мышление подчиняется «логике чувств» и мыслительный процесс, теряя свое познавательное значение, сводится к использованию формальных логических операций для оправдания перед мыслью положений, которые установлены помимо нее, будучи продиктованы чувством и фиксированы в угоду ему. Вместо того чтобы взвешивать все «за» и «против» какой-нибудь гипотезы, эмоциональное мышление с более или менее страстной предвзятостью подбирает доводы, говорящие в пользу желанного решения; решение вопроса совершается в плане чувства, а не мысли» [8, с. 369].

Практически все известные психологические исследования в этом направлении обычно рассматривают участие эмоций в мыслительной деятельности исключительно в плане ее регуляции. Так, в работе О.К. Тихомирова было установлено, что «момент возникновения состояний эмоциональной активации приурочен к критическим моментам процесса решения задачи, к выявлению в ходе умственной работы нового принципа действий, нового направления поисков» [14, с. 91]. Весьма характерное в этом плане высказывание обнаружено также в работе известного американского психолога Лазаруса, заметившего, что эмоция без мысли представляла бы собой элементарную активацию при отсутствии отчетливо ориентированных импульсов нападения в состоянии гнева или бегства в состоянии страха [15]. В приводившемся ранее высказывании Р.М. Грановской эмоциям отводится функция «окрашивания» образов и мыслей, а у С.Л. Рубинштейна – делается акцент на возможных антагонистических отношениях между эмоцией и мыслью. Тем не менее, в рассуждении последнего просматривается указание на то, что эмоция может выступать в качестве главного компонента мысли. Ведь в составе мысли, следующей «принципу удовольствия», несомненно, определяющей является именно эмоция. И если к приведенному выше высказыванию С.Л. Рубинштейна подойти именно с этой точки зрения, оно станет менее противоречивым. Не случайно Л.С. Выготский пришел в итоге к идее об аффективных источниках мысли, играющих определяющую роль в отборе обобщений, в превращении «словесных значений» в индивидуальные «смыслы».

Если задуматься о том, что лежит в основе мыслей, которые пытаются передать друг другу влюбленные, то ответ напрашивается сам собой – конечно, чувства и эмоции. Эмоциональная составляющая навязчивых мыслей может, пожалуй, рассматриваться даже как ярлык, подчеркивающий их значимость для личности. А появление в конце 90-х термина «эмоциональный интеллект» – не это ли свидетельство признания исключительной роли эмоциональной сферы человека в его способности успешно справляться с возникающими проблемами? Совсем не случайно американский нейрофизиолог Дамасио назвал эмоцию ключевым элементом научения и принятия решений; он, в частности,

заметил, что на основании одного только вербального или невербального интеллекта невозможно решить на ком, например, жениться или как увеличить свои сбережения [16].

Представленные материалы позволяют высказать гипотезу, что мысль может рассматриваться как временное динамичное образование, состоящее из знаков (слов, фраз), образов и эмоций в их специфическом соотношении и взаимосвязи. Некоторые мысли состоят только из образов, другие – только из эмоций или только из слов. Если они состоят только из образов или эмоций (или и тех и других одновременно), они практически не осознаются. Если же в их составе присутствует знаковый компонент, могут осознаться не только мысли, но и язык, участвующий в мыслительном процессе.

Проверка гипотезы осуществлена в эксперименте, в ходе которого испытуемым (40 взрослым и 40 детям 8–9 лет) предлагалось послушать несколько коротких рассказов. По мере появления в сознании каждого из них более-менее отчетливого образа они подавали сигнал, который регистрировался на магнитной ленте [17]. Как оказалось, в большинстве случаев сигналы о возникновении образов подавались тогда, когда испытуемые воспринимали элементы текста, в которых содержалась информация об изменении ситуации, о чем-то новом или неожиданном. Подсчет количества сигналов позволил обнаружить следующую закономерность: максимальное и минимальное их количество в группе детей и в группе взрослых приходилось практически на одни и те же предложения. Аналогичная картина имела место при слушании рассказов, где испытуемых просили регистрировать случаи возникновения эмоций. Только количество сигналов оказалось, естественно, меньше. Получается так, что мысли автора текста могут быть представлены в сознании слушателя или читателя в виде цепочки «смысловых ядер», состоящих из образов, эмоций и элементов вербальных полей, стимулом к образованию которых явился текст.

Подтверждение высказанной гипотезы можно также обнаружить в эксперименте, посвященном изучению мышления шахматистов [14]. Испытуемым предлагалось решать задачу, рассуждая при этом вслух. Перед предъявлением шахматной позиции, в процессе решения задачи, а также некоторое время после решения велась непрерывная запись сопротивления кожи

каждого испытуемого. Была выдвинута гипотеза, что резкие падения сопротивления кожи связаны с эмоциональными состояниями, возникающими по ходу решения задачи. Обнаружено строгое совпадение резких изменений в кожно-гальванической реакции (КГР) с моментом подачи испытуемым сигнала об отчетливо выраженном переживании эмоционального возбуждения. Не было зарегистрировано ни одного случая подачи этого сигнала без значительного падения сопротивления кожи. Как правило, сигнал подавался испытуемым после начала сдвига КГР. В словесных отчетах после опыта испытуемые сообщали, что момент возникновения состояний эмоциональной активации приурочен к обнаружению в ходе умственной работы нового принципа действия, нового направления поисков. Этот момент, отраженный испытуемым в отчете, объясняется им как появление идеи решения, состояния ясности. Эмоциональная антиципация замысла, оформленного в речи, на 4 секунды опережает называние действия, с которым связано решение. Сделано также важное уточнение о связи состояний эмоциональной активации прежде всего с творческим звеном мыслительной деятельности.

Экспериментально доказанная в описанных выше опытах связь сигнала о переживании эмоции, подаваемого испытуемым, с появлением изменений в КГР, свидетельствует прежде всего о том, что испытуемые успешно осознают эти моменты. Следовательно, возвращаясь к эксперименту с восприятием художественного текста, можно заключить, что сигналы испытуемых о возникновении в процессе его восприятия эмоций (или образов, осознание которых еще надежнее) имеют под собой вполне реальную основу. Во-вторых, руководствуясь предложенной гипотезой о мысли как динамическом единстве образов, эмоций и знаков, можно по-иному рассмотреть связь «...состояний эмоциональной активации с выявлением в ходе умственной работы нового принципа деятельности» [14, с. 92]. Новый принцип действия в этом случае – это мысль, представляющая собой образно-эмоциональное ядро, к которому немного позже присоединяется знак (называние нового принципа действия). Другими словами, явление «эмоциональной активации», которое как бы сопровождает мыслительный процесс, может быть расценено как эмоциональный компонент формирующейся мысли.

Таким образом, многообразие точек зрения о феномене «мысль» свидетельствует о том, что, пользуясь этим термином, большинство людей не представляют себе всей его сложности. Предложена и экспериментально обоснована гипотеза, согласно которой мысль представляет собой временное динамичное образование, состоящее из знаков, образов и эмоций в их специфическом соотношении и взаимосвязи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
2. Дьяченко, М.И. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Минск: Хэлтон, 1998. – 399 с.
3. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 717 с.
4. Пиаже, Ж. Суждение и рассуждение ребенка / Ж. Пиаже. – СПб.: Союз, 1997. – 286 с.
5. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже; пер. с фр. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
6. Kaufmann, G. Imagery, Language and Cognition / G. Kaufmann // Universitetsforlaget, 1980. – 192 p.
7. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1 / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 488 с.
9. Бенедиктов, Б.А. Психология овладения иностранным языком / Б.А. Бенедиктов. – Минск: Высшая школа, 1974. – 375 с.
10. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М.: Просвещение, 1967. – 248 с.
11. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – Л.: Издательство Ленинградского университета. 1988. – 560 с.
12. Платонов, К.И. Слово как физиологический и лезический фактор / К.И. Платонов. – М.: Медгиз, 1962. – 532 с.
13. Bruce, B. Charge of the «Right» Brigade. Annual Editions: Psychology, 1996/97. Brown & Benchmark Publishers, Guilford. – P. 194–196.
14. Тихомиров, О.К. Психология мышления: учебное пособие / О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
15. Lazarus, R.S. Cognition and Motivation in Emotion / R.S. Lazarus // American Psychologist, 1991, Vol. 46, No. 4. – P. 352–367.
16. Lemonick, M.D. Glimpses of the Mind. Annual Editions: Psychology, 1996/97. Brown & Benchmark Publishers, Guilford. – P. 101–104.
17. Ерчак, Н.Т. Особенности понимания художественного текста взрослыми и детьми / Н.Т. Ерчак // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 95–99.